

Олег Сергеев

Мириам

Олег Сергеев

Мириам

*http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=25279263
ISBN 9785448557156*

Аннотация

Археологическая экспедиция неожиданно для всех обнаруживает на северо-западе Африки древнее государство, легенды о котором давно будоражили общественность. На раскопки отправляются лучшие лингвисты для расшифровки манускрипта, могущего пролить свет на тайну гибели великой Элайи. В это самое время некоторым членам экспедиции начинают сниться схожие и очень странные сны о последней принцессе Элайи – Мириам...

Содержание

Глава 1. Сенсация	5
Глава 2. Находка	23
Конец ознакомительного фрагмента.	36

Мириам

Олег Сергеев

Светлой памяти милой моей Алисочки

© Олег Сергеев, 2017

ISBN 978-5-4485-5715-6

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Глава 1. Сенсация

Рано утром, в понедельник, в стенах НИИ Археологии уже вовсю кипела жизнь. На днях с Алтая привезли мумию местной принцессы, и Швыдка – начальник моего отдела, женщина властная и с железной хваткой – бегала из кабинета в кабинет, аки муравей, подписывала бесчисленное множество бумаг, давала указания, но к принцессе не допускала никого. Она сама – лично! – должна была снять покров тайны и ликвидировать, таким образом, очередной пробел в истории древнего Алтая. Я сам, помнится, тоже присутствовал при раскопках – в качестве эксперта – но тогда, полтора года назад, дальше монет и нескольких скелетов собак дело не пошло, а поскольку у меня простаивал труд, посвященный письменности древних хаттов, мне пришлось вернуться в Петербург и закончить работу.

Так, собственно, и вышло, что все лавры по обнаружению останков принцессы достались не мне, а Курпатову – любимцу Швыдкой.

Эта пара поистине напоминала графа Орлова с императрицей Екатериной II. Она – высокая, крупная, с тяжелой поступью и всегда какой-то невероятной прической на голове – видимо, именно поэтому все в институте звали ее «Гнездом»; и он – видный, статный, но давно и прочно женатый. Их союз вызывал много сплетен: Швыдка никогда не была

замужем и до появления в институте Курпатова археология служила альфой и омегой ее бытия. Ходили зловещие слухи о том, что она даже ночует в институте – в одном из саркофагов. Но три года назад из министерства к нам послали бывшего археолога – неудачника, а ныне чиновника и буржуя – Валерия Валерьевича Курпатова. Швыдкая – как личность незаурядная, да к тому же к мнению которой прислушивался даже сам Синицын – тут же привлекла повышенное внимание новоиспеченного бюрократа, и роман вспыхнул моментально и у всех на глазах – Швыдкая не умела сопротивляться напору симпатичного и настойчивого мужчины. Как и почти любая женщина, впрочем. Она сделала его своим замом, и с тех пор все мало-мальски важные открытия доставались именно Фавориту – как его негласно окрестили сотрудники.

Аделаиду Петровну чутье еще никогда не подводило – и хоть оказывался Курпатов на месте всегда не раньше, чем всего за неделю до обнаружения чего-либо сенсационного, весь успех приписывался ему – его упорству, таланту и прозорливости.

Так вышло и в этот раз: Гнездо вся светилась – Фаворит снова «в фаворе» – прошу прощения за невольный каламбур. Однако, за что я никогда не переставал уважать нашу Аделаиду – так это за ее здравый смысл, не утерятый даже под напором безумства влюбленности. Изучать находку Курпатову она не доверила: слишком долго ждал институт обнаружения принцессы, чтобы отдать ее в руки бездарному

типу, окончившему факультет археологии лишь потому, что этого захотел его отец.

Пробегая мимо меня в своих неизменных стоптанных коричневых туфлях, Аделаида вдруг остановилась, подняла вверх указательный палец и нахмурила лоб, словно пытаясь вспомнить что-то. Постояв так с минуту, она махнула рукой и ринулась в сторону зала реставраций, но застыла на полпути и окрикнула меня:

– Вспомнила! Строев, Вас директор к себе вызывает. Вы ведь, кажется, хотели отпуск взять – вот Вам прекрасная возможность, поговорите с Никитой Львовичем.

И Швыдкая тут же унеслась изучать свое сокровище вместе с группой студентов, уже неделю проходивших у нас практику и порядком всем нам надоевших.

В приемной Синицына как обычно пахло кофе и миндалем – секретарша Людочка глушила амаретто большими пол-литровыми кружками, постоянно при этом жалуясь на плохой цвет лица. Она даже принесла из дома кофеварку, чтобы варить арабику, вместо быстрорастворимой «пыли Африканских дорог». Последним ее увлечением стал кофе с красным перцем, но миндаль при этом не переводился у нее никогда: миндаль и Никита Львович – единственные, кому она никогда не изменяла. Людочка встретила меня на удивление радостно и тут же указала на дверь в кабинет директора:

– Давно уже ждет. Гнездо опять, небось, забыла передать?

– Да там принцесса, студенты – ей не до меня. Спасибо, что хоть вообще помнит о нашем существовании.

И, шаркнув ножкой, я проследовал «на ковер».

Никита Львович напряженно смотрел в монитор недавно купленного компьютера и судорожно тыкал указательным пальцем по клавишам – за несколько лет полного царствования цифровых технологий наш директор так и не научился как следует пользоваться «электронными счетами», как он сам величал ЭВМ. Где-то ему помогала вездесущая Людочка, где-то сыновья, но в компьютерные игры он твердо решил научиться играть сам. Вероятно, чтобы не позорить свой статус директора НИИ. Он не сразу заметил мое появление и продолжал тыкать по клавишам. В такие минуты Львович был сущим ребенком да и только: он сутулился в своем роскошном кожаном кресле, высовывал от усердия язык, глаза его горели так, словно в этот самый момент именно он, а не Шлиман обнаружил Трою... Я пару раз кашлянул:

– Вызывали, Никита Львович?

Он вмиг принял серьезный вид, поправил галстук, привстал и протянул мне руку:

– А, Строев! Да, проходите, у меня к Вам разговор.

Я опустил на предложенный мне стул и с места в карьер пошел в атаку:

– Никита Львович, пять лет не был в отпуске, устал, как собака – отпустите на пару недель на море слетать, кости по-

греть?

Синицын благодушно улыбнулся и отчеканил:

– Ну отчего же не отпустить. Хотите югов – будут Вам юга: и кости погреете, и от пыли нашей институтской прочиститесь...

– То есть я могу писать заявление? – я не мог поверить своему счастью, хотя предварительно и засылал к директору Швыдкую, чтоб почву прощупать.

– Погодите, Василий Николаевич. Мы Вам вместо отпуска командировку оформим. Отпуск Ваш никуда от Вас не денется, а тут хоть делом важным займетесь.

– Каким делом?! Никита Львович, Вы меня из-за этих бесконечных «важных дел» пять лет уже отпуска лишаете. Я ведь и заявление об уходе могу написать – вот пять законных месяцев отгуляю и напишу. В Москву переведусь – меня туда давно зовут. Хватит с меня этого каторжного труда!

Я встал и решительно направился к выходу, но Синицын оказался проворнее – он опередил меня и запер дверь на ключ прямо перед моим носом.

– Да погодите Вы, Строев! Вечно договорить не даете... Будут Вам и пять месяцев отпуска. Да хоть все десять – но после того, как закончите работу над объектом, на который я Вас посылаю. И даже не возражайте! Ну я же знаю Вас, Василий Николаевич! Ну Вы же сами не сможете спокойно греться на море, когда узнаете, куда Вы едете! Хватило того, что Курпатов у Вас алтайскую принцессу из-под носа увел.

В данном случае подобного я не допущу! – и он стукнул кулаком по столу – жест, означавший его чрезвычайное волнение. И, хотя наш директор – в силу восторженности своего характера – любил преувеличивать значимость многих объектов и событий, я все-таки решил его выслушать.

– Только пока ни одна живая душа в институте не должна знать того, что я Вам скажу. Даже Аделаида Петровна!

Ох, как же Львович любил тянуть волокиту, придавая обсуждаемому вопросу еще больше важности!

– В пятницу мне звонили из Москвы, просили направить нашего лучшего специалиста по вопросам древней письменности к ним на объект. Кажется, они сделали великое открытие! – Сеницын выдержал паузу, надеясь, что фраза произведет на меня должное впечатление. Но я спокойно ждал продолжения, зная эту особенность нашего начальника. Он подошел ближе и наклонился к моему уху:

– Кажется, они нашли Элайю, Строев!

Я вздрогнул и вопросительно посмотрел на Сеницына, пытаюсь понять, не шутит ли он, но лицо его выражало безудержный восторг: он то потирал ладони, то лупил ими по столу:

– Ну что, Строев, тут-то Вам, пожалуй, не до отпуска будет, а?

– А Вы уверены, что они говорили именно про Элайю? Вы ничего не перепутали?

– Строев, я руковожу этим чертовым институтом вот уже

скоро двадцать пять лет! И я ничего не могу перепутать! – отчеканил он. – А наш лучший специалист, – продолжил Никита Львович, – чего уж греха таить – Вы. Швыдкую на раскопки и краном подъемным не вытащишь, да и принцессой у нее сейчас голова забита. У Прохорова докторская и жена-инвалид. Хотя я бы в любом случае рекомендовал Вас: Вы допускаете невероятное и невозможное, у Швыдкой для этого слишком традиционные взгляды, а Прохоров – и вовсе тугодум. Нет, если кто и будет от нас исследовать Элайю, то только Вы! – Синицын выдохнул и посмотрел мне в глаза в ожидании ответа.

Элайя! Ну кто из простых обывателей, знакомых с археологическими находками лишь из учебников истории и новостных телепрограмм, не слышал об этой легендарной стране! Множество ученых всего мира интересуются ей даже больше, чем самой Атлантидой, поскольку первая намного древнее, да и источники, дошедшие до нас, полны загадок и самых поразительных фактов.

Об Элайе начали говорить во всеуслышание лет 30 назад, когда группа японских ученых обнаружила на Хоккайдо манускрипты, датированные несколькими тысячелетиями раньше появления в Японии письменности – и именно в них говорилось о стране с таким сказочным названием – Элайя...

О жителях той страны упоминалось совсем немного, но с невероятным почтением, а где-то и с благоговением. Их

звали «Великим народом», а в некоторых источниках «Властителями». Именно тогда историков и заинтересовала неведомая никому доселе Элайя. В японских манускриптах содержалось слишком мало информации и даже не говорилось о местоположении этой чудесной страны. Поэтому весь ученый мир, славящийся своей осторожностью, не стал делать поспешных выводов.

За последующие тридцать лет сведения о существовании Элайи, ее народе, государственном управлении, науке и культуре стали буквально сыпаться из самых разных источников. Узнали даже о конкурирующей державе – соседе – Стиргии, которая, однако, закончила свой век гораздо позднее соперницы. Но найти ни Элайю, ни Стиргию не удавалось пока никому. Археологи-энтузиасты тратили на это годы, выискивая хоть какие-то указания на то, где могла находиться эта страна, но древние хронологи словно сговорились и все, как один, рассыпаясь в восторгах и похвалах, умалчивали о главном. Возможно, в то время, «Властители» наложили своеобразное табу на некоторые тайны, пряча их от потомков. Потому что кроме местоположения за эти годы никому так и не удалось выяснить ни более менее обстоятельный хронологический ход истории Элайи, ни, соответственно, причины ее гибели. Многие из нас копались в загадках Атлантиды с одной лишь целью – узнать о тайнах «Властителей». Но атланты умели хранить эти тайны, как никто другой...

Со временем Элайя стала своеобразной притчей во языцех, эдаким Летучим Голландцем, Китеж-градом и Лохнесским чудовищем вместе взятыми с одной лишь разницей: мы все точно знали – Элайя существовала, и, вероятно, это была первая цивилизация на нашей планете. Она стала нашим «бозоном Хиггса», «частицей Планка», что безуспешно пытаются получить физики, нашей единой теорией всего – поняв которую мы смогли бы выстроить полную картину человеческой цивилизации.

Как Вы полагаете, что я ответил на предложение Синицына?

Из его кабинета я вышел самым счастливым человеком на свете.

В командировку надо было отправляться на следующее же утро. Накануне вечером я получил от директора наистрожайшие инструкции: не сообщать никому о цели моей поездки, а по всем возникающим на месте раскопок вопросам и проблемам советоваться с самим Никитой Львовичем, с Ресторовым – директором Московского института археологии, а также с неким товарищем Бородиным, уже присутствующим к тому времени на объекте.

К чему такие строгие формальности – мне было не вполне понятно: объект, вроде, не военный, да и имеет общемировую ценность – все равно после завершения раскопок придется делать официальное заявление. Мне не объяснили тогда очень многого. Синицын устало отмахнулся от всех моих

вопросов, заявив, что сам знает не больше моего. Потом вручил мне билет в один конец – ведь заранее знал, что не откажусь! – и сказал, что в аэропорту меня встретят. На следующее утро я вылетел в Каир.

То, что Элайя располагалась на северо-востоке Африки, недоумения и удивления вызывать не могло: многие древние цивилизации начинали и заканчивали свой жизненный путь именно там. Вызывал изумление скорее тот факт, что за тридцать лет поисков ее так и не нашли там, где она и должна была располагаться, там, куда мысленно помещали эту страну многие историки и археологи; там, где в конце концов, постоянно ведутся всевозможные раскопки, в том числе и нелегальные. Все это время Элайя и Стиргия прятались буквально у нас под носом!

Сказать, что я был полон планов и надежд, возбужден и горд – значит не сказать ничего. Фактически сбылась моя мечта – я буду руководить раскопками, руководить в действительности, ибо небольшую экспедицию уже возглавлял молодой ученый из Москвы. «Подставная кукла», – как с огорчением заметил Сеницын.

Я захватил с собой все имеющиеся у меня материалы по Элайе и Стиргии и в самолете попытался их систематизировать. Когда я поднял глаза от ноутбука, мы уже приземлялись. Мне не дали ни телефонов, ни описания тех, кто должен был меня встретить, поэтому я минут пятнадцать бродил по залу в надежде, что меня узнают. Однако, не было ни

цветов, ни оркестра – да вообще никого. Я пошел к выходу и в этот самый момент увидел, как по залу бежал молодой парнишка с листком бумаги в руках, на котором крупными буквами было нацарапано: «Строев». Я подошел к пареньку и похлопал его по плечу:

– Василий Николаевич! Вы?

– Он самый, – снисходительно улыбнулся я. Парень тут же смял бумагу и протянул мне руку:

– Павел. То есть, Арсеньев Павел Олегович, руководитель раскопок.

Павлу Олеговичу – если только этого юнца можно было без улыбки величать по имени-отчеству – на вид было лет двадцать семь. Хотя нет, на вид ему было гораздо меньше, просто я решил, что двадцать семь – это как раз подходящий возраст для молодого руководителя раскопок. У него были правильные, даже слегка женственные черты лица, вздернутый нос с заостренным кончиком и по-детски наивный взгляд. Всю дорогу от аэропорта до машины Паша возбужденно жестикулировал, дергая меня за рукав, сетовал на то, что проспал и заставил себя ждать.

На нем была удивительной белизны рубашка и столь же белые брюки – молодой человек явно следил за собой и хотел произвести впечатление на «светило археологии», каковым он меня, вероятно, счел, судя по его почтительному, хоть и чересчур нервному и возбужденному поведению – он даже в порыве человекоугодия кинулся открывать мне дверцу ав-

томобиля. Но я его остановил:

– Павел Олегович, Вы нашли что-то интересное?

Он замер на месте и начал тереть и без того красные от волнения виски, а я, уловив момент, забрался в автомобиль, закинув на заднее сиденье весь свой нехитрый багаж.

– Да, Василий Николаевич, – наконец, произнес Арсеньев, – мы, кажется, обнаружили нечто совершенно невероятное! Мы нашли... – и тут он резко осекся и ударил себя пальцами по губам. – Ну что я за болтун такой! Вам все расскажет Сергей Викторович уже там, на месте. А теперь мы едем в гостиницу.

– В гостиницу? – изумленно переспросил я. – Я думал, Вы повезете меня сразу на раскопки, чтобы показать находки.

– Да-да, – нервно забормотал Павел, – но сперва в гостиницу. Таковы указания. Мы все зарегистрированы в гостиницах, мы не должны вызывать подозрений, – и Арсеньев уныло обвел взглядом площадь перед аэропортом. Через пару минут мы уже мчались по одной из оживленных трасс Каира.

Всю дорогу мой спутник молчал и постоянно посматривал на часы – он явно нервничал. Путь до гостиницы занял около часа. Уютное пятиэтажное здание отеля голубовато-серого цвета прикорнуло в тихой улочке древнего города. Внутри было прохладно и как-то уж слишком по-европейски, без местного колорита. Приятная девушка в строгом костюме разместила меня по моей же просьбе на третьем этаже и, очу-

тившись в номере, я наконец-то понял, как зверски я устал и проголодался. Арсеньев обещал заехать за мной на следующее утро, т.к. путь на объект предстоял неблизкий, а я был измотан длительным перелетом.

В целом, мой не совсем уже молодой организм хорошо переносил любую нагрузку: я мог лазать по скалам без малейших легочных спазмов, я окончил школу дайверов и мог длительное время находиться под водой; а жара вообще стала моим коньком — я проводил месяцы под палящим солнцем, питаюсь один раз в сутки и выпивая воды куда меньше положенного — и даже не замечал никакого дискомфорта. Когда ты на пороге грандиозного открытия, включаются все резервные силы организма. Правда уже потом, очутившись дома, ты заболеваешь каким-нибудь воспалением легких или язвой желудка и месяц валяешься в постели, восстанавливаешь растроченные силы. Но ничто и никогда не изматывало меня больше перелетов и плавания по морю: мой вестибулярный аппарат, отлично ведущий себя в экстремальных условиях, на самолете или пароходе вовсе отказывался смириться с происходящим. Я отвлекал его, как мог: работал, читал, слушал музыку, но он упрямо гнул свою линию. Может быть, именно поэтому Арсеньев, увидев мой нежно-зеленый цвет лица, решил отложить поездку на объект на следующий день.

Обед мне принесли прямо в номер. И сразу после освежающего душа я лег спать, отключив все телефоны.

Меня разбудил тихий, но настойчивый стук в дверь: спал я всегда весьма чутко. Пришлось подняться, натянуть пляжные шорты и футболку и открыть. На пороге стояла девушка – в таком же строгом костюме, что и ее коллега за стойкой администратора.

– Господин Строев, – произнесла она на чистом английском с легким акцентом, – с Вами хочет поговорить господин Бородин. Примете его?

– Ну что за церемонии?.. Словно я лорд английский. Сам господин Бородин и пришел бы...

– Извините, но у меня указание – беспокоить Вас только в самых крайних случаях. Просто этот господин оказался чрезвычайно настойчив.

– Что еще за указания? Ну как достали эти шпионские игры, словно ядерную бомбу испытываем... – последнюю фразу я пробормотал себе под нос уже на русском.

Я проспал почти шесть часов, за окном стемнело. Я велел девушке пригласить ко мне этого упрямого господина Бородина, чью фамилию я уже слышал от Синицына накануне. Ожидая увидеть, по меньшей мере, Джеймса Бонда в длинном плаще, шляпе, скрывающей верхнюю часть лица, и темных очках, я был весьма удивлен, когда на пороге оказался улыбчивый мужчина средних лет в пестрой рубашке кричащих цветов и широких бежевых шортах. В руках он сжимал соломенную шляпу и журнал «Playboy».

– Если не ошибаюсь, Строев Василий Николаевич? – и Бо-

родин улыбнулся еще шире, обнажив ряд ровных белых зубов, сделавших бы честь любому актеру Голливуда.

– Он самый. Простите, с кем имею честь? – я протянул руку.

– Бородин Сергей Викторович, член экспедиции Арсеньева. Позвольте я закрою дверь, чтоб нам не мешали? – и он, не дождавшись моего ответа, взял с тумбочки ключ и двумя щелчками в замочной скважине запер номер изнутри. Потом он подошел к окну и опустил жалюзи.

– Вы издеваетесь? – вздохнул я и присел на кровать. – Что за дешевые трюки? Археологам нечего скрывать, товарищ Бородин.

– Как сказать, Василий Николаевич, как сказать... – на лице Бородина не осталось и тени былой улыбки. Он достал из нагрудного кармана рубашки и сунул мне под нос какое-то удостоверение.

– «Агент Федеральной службы безопасности», – только и успел прочесть я. – О, Господи! ФСБ заняться больше нечем?

– Значит, так, Василий Николаевич, – Бородин подошел ближе, пряча удостоверение обратно в карман, – если Вы хотите работать на объекте, Вам необходимо будет выполнять несколько несложных указаний. Первое: что бы ни произошло, но каждые выходные группа ночует в гостинце, а объект охраняется нашими людьми. Второе: интерес журналистов к нашей находке поразителен, они постоянно атакуют всех

членов экспедиции, но ребята у нас подобрались стойкие. Ожидаю той же стойкости от Вас. Пронюхать про Элайю пока еще никому не удалось. Поэтому прошу Вас рассказывать легенды о поисках прототипа Сфинкса. Пусть лучше пресса кормится этой сенсацией. Ну и третье: как это ни прискорбно, но обо всех находках придется докладывать мне лично еще прежде того, как Вы сделаете какие-либо выводы. Выводы придется делать нам с Вами вместе. Если Вы согласны, тогда завтра утром добро пожаловать на объект!

И его лицо вновь озарила беззаботная улыбка – такой способности моментально переключаться с серьезных и важных вопросов к повседневным радостям можно было только позавидовать. Я улыбнулся ему в ответ. Выполнить все эти три условия в принципе было нетрудным. Меня смутило только лишь одно замечание:

– То есть, Вы хотите сказать, что Вы – не обладая должным образованием и опытом – будете пытаться регулировать мою научную деятельность и корректировать мои профессиональные выводы?

– Я не такой уж невежда, каким могу показаться, Василий Николаевич. Ну разумеется, анализировать и делать какие-то выводы – прерогатива Ваша. Мое дело – слегка их корректировать, прежде чем обращать на них внимание общественности. Вы же не думаете, что мы будем вечно скрывать факт обнаружения Элайи? Но мы должны сообщить людям не больше того, что им положено знать. Вот эту-то раз-

ницу между реальной и окончательной версией создавать мне. Поэтому я должен быть первым, кого Вы будете ставить в известность о той или иной находке, а также о ваших выводах касательно таковых.

– Ученый мир Вы тоже намереваетесь вводить в заблуждение ложной информацией?

– Этот вопрос вне моей компетенции, но подозреваю, что не у многих найдется желание поделиться таким великим открытием, прежде чем все тайны Элайи не будут до конца раскрыты. В любом случае, Василий Николаевич, нас с Вами в настоящий момент это никоим образом не касается. Итак, Вы готовы пойти на наши условия?

Я тихо хмыкнул. Ведь я ничего не терял.

Ну, подумаешь, что три ночи из каждых семи я буду проводить с полным комфортом – это ведь только плюс. Хотя, надо признаться, что перспектива постоянно отрываться от разгадывания тайн и зачем-то мчаться за сотни километров от места раскопок меня не вдохновляла.

В любом случае, я надеялся, что находки или, по крайней мере, не слишком громоздкие из них, мне разрешится брать с собой.

Общаться с журналистами я не любил никогда, поэтому на это условие согласился с готовностью и откровенной радостью. Последнее условие меня огорчило и – прямо скажем – насторожило. Но желание очутиться на объекте было столь сильным, что я заставил свой внутренний голос замол-

чать, приняв решение воздерживаться от высказываний каких-либо выводов вслух. Для начала надо было как следует узнать, что за человек этот Бородин, ну а потом уже действовать сообразно обстоятельствам.

Получив мое согласие, Бородин откланялся, пообещав на следующий день с утра заехать за мной. Это как раз был понедельник – начало новой рабочей пятидневки.

Глава 2. Находка

В дверь ко мне постучали только около десяти утра, когда я уже все глаза просмотрел в ожидании Бородина. На пороге стояла вчерашняя девушка в строгом костюме, объявившая мне, что внизу меня ждет машина. Я отдал ей ключ от номера и, прихватив свой небольшой саквояж, спустился.

У входа в гостиницу стоял давешний автомобиль, за рулем которого гордо восседал мой молодой друг Арсеньев. На заднем сиденье пестрела рубашка Бородина.

– Доброе утро, Василий Николаевич! – приветливо воскликнул Арсеньев и тут же протянул мне руку. – Как спалось?

– Доброе утро, Паш, – ответил я, садясь рядом с ним. – Здесь великолепный воздух и какая-то совершенно невероятная тишина. Я прекрасно выспался.

После рукопожатия с Бородиным мы тронулись в путь.

На мой вопрос о том, почему за мной заехали так поздно, Паша сказал, что вся остальная группа выехала на 3 часа раньше, чтобы подготовить все к моему приезду.

За дорогой я не следил, поскольку – как и говорил выше – она меня выматывала, и я старался переключаться на что-то увлекательное, заставляющее забыть, какие мучения я терплю. Дорога изобиловала ухабами, и нас трясло так, что про ноутбук я решил забыть и принялся рассматривать нашего

импровизированного водителя. Казалось, Арсеньев был чему-то безумно рад: он беспрестанно напевал, крутил ручки автомагнитолы в поиске новых радиостанций, курил, похлопывал себя по колену, подмигивал Бородину в зеркало заднего обзора – все говорило о его отменном настроении.

В нашем джипе усиленно работал кондиционер, а на улице стояла жуткая жара, и я уже предвкушал, что нам предстоит испытать на раскопках.

– Не волнуйтесь, Василий Николаевич, – предвидя мой вопрос, прокашлял Бородин, – в вагончиках есть кондиционеры.

– Да-да, – подхватил Паша, – у нас там все условия для плодотворного труда! Вагончики мы у строительной фирмы по дешевке приобрели. Думаю, Вы будете довольны, – и на этот раз Арсеньев подмигнул мне.

Дорога петляла, над ней клубилась пыль, небо было почти чернильным из-за жары. То тут, то там на глаза попадались чахлые деревца – города давно остались позади. Я и сам не заметил, как уснул под мерное посвистывание Арсеньева. На месте мы были ровно через два часа после того, как выехали.

Я плохо соображал спросонья. Поэтому совершенно машинально схватил свой саквояж и побрел вслед за Арсеньевым к одному из вагончиков, чтобы переодеться. Я даже не утрудил себя тем, чтобы банально оглядеться.

В вагончике действительно царила приятная прохлада,

и было немного темновато, поскольку свет мог проникать внутрь лишь через два небольших окошка – не пыльных и не затянутых паутиной, как это часто бывает в помещениях, где проживают исключительно мужчины. Везде чувствовалась женская рука: на электрической плитке (а источником электричества, по всей видимости, служил небольшой генератор, дружелюбно тарахтевший где-то неподалеку) стояла белая эмалированная кастрюлька, в которой что-то ароматно и аппетитно булькало. Пол был чисто выметен, у каждой из четырех кроватей лежал потрепанный коврик. В полевых условиях царил уют домашнего очага – девушки постарались ровно настолько, насколько это в принципе было возможно в условиях недостатка воды.

– Ну, вот мы и дома! – радостно сообщил Арсеньев и плюхнул свой рюкзак на кровать, стоявшую прямо у выхода и застеленную ярко-красным покрывалом в белую клетку.

– Я буду спать с вами? – спросил я у Паши и огляделся, пытаюсь вычислить, какая из кроватей не занята.

– Да, вот Ваше место, – указал мне на кровать у окна внезапно вошедший Бородин. – Думаю, так будет удобнее нам всем, – и он начал расстегивать свою пеструю рубашку, давая понять, что пора приступать к работе. Солнце было в самом зените.

Я открыл саквояж и быстро переоделся в серую футболку и шорты защитного цвета – свою обычную форму одежды, предназначенную как раз для работы на жаре. На пороге

снова возник улыбающийся Арсеньев:

– Вы готовы? Пойдемте, я познакомлю Вас с ребятами, они уже давно начали, даже воду успели привезти, – и он бодро зашагал по направлению к группе людей, стоявших неподалеку. Но путь нам преградил Бородин.

– Павел Олегович, Вы бы шли посмотрели, Володя, кажется, по неосмотрительности вчерашнюю пещеру засыпал.

Арсеньев охнул, схватился руками за голову и со словами:

– Ну я же говорил: досками надо укреплять! А он!.. Глина, глина... Ну я ему устрою! – побежал к ребятам.

– Что-то случилось? – обеспокоенно спросил я.

– Пустяки. Кажется, небольшой обвал. У Крестовского еще мало опыта, его взяли исключительно по рекомендации Арсеньева. Но парень он хороший, очень способный. Василий Николаевич, пройдемте я познакомлю Вас с Новиковым, – и Бородин, подхватив меня под руку, резво завернул за угол нашего вагончика, где в тени сидел какой-то мужчина, что-то сверяя по таблице иероглифов.

Мужчина, кажется, не заметил нашего появления. Он был невысокого роста и довольно щуплого телосложения. В его потрясающе черные волосы – я никогда прежде не встречал до такой степени чистого оттенка – начала закрадываться седина, чуть треугольные мефистофелевские брови были нахмурены, лоб наморщен – мужчина напряженно вчитывался в ксерокопию какого-то документа и не желал замечать ничего, происходящего вокруг.

– Михаил Алексеевич! – громко произнес Бородин. Мужчина вздрогнул и уронил листки, которые он держал, на песок. – Разрешите представить Вам Василия Николаевича Строева, нашего коллегу из славного города на Неве, старшего научного сотрудника, кандидата наук и просто выдающегося археолога, который поможет нам в нашей работе.

– Ну, Вы уж прямо меня захвалили, – смущенно пробормотал я, протягивая руку Новикову. Он схватил мою ладонь своей маленькой аккуратной рукой и порывисто пожал ее. В юности этот Новиков, должно быть, был очень красив, правда, его карим глазам недоставало какого-то внутреннего огня.

– Новиков Михаил Алексеевич, – отчеканил он, глядя куда-то в сторону.

– А не тот ли Вы Новиков?.. – вдруг осенило меня. Помнится, еще в институте при анализе особенностей письменности древних народов особое внимание наши преподаватели уделяли работам некоего М. А. Новикова, кандидата наук, а ныне профессора Московского НИИ Археологии и по совместительству декана факультета древних языков Московского Лингвистического Университета. Именно благодаря его открытиям были расшифрованы многие шедевры древней письменности, в частности и те из них, в которых говорилось об Элайе. В свои сорок пять он вызывал уважение и восхищение всего ученого мира. И вполне вероятно, что этот один из самых выдающихся ученых современности сто-

ял сейчас передо мной, слегка сутулясь, с потухшим взглядом и наверняка думал, как бы поскорее от нас отвязаться и вернуться к анализу иероглифов.

– Он самый, – усмехнулся Бородин и панибратски похлопал Новикова по плечу. Тот осторожно, но с явным негодованием снял его руку с плеча, нагнулся и стал подбирать рассыпавшиеся листки.

– Михаил Алексеевич, – продолжил Бородин, – давайте ознакомим Василия Николаевича с нашей находкой. Ведь, по всей видимости, именно ей Вы сейчас занимаетесь?

Новиков посмотрел на нас искоса и, отрезав: «Пойдемте», – зашагал к нашему вагончику.

– Вот, видите, Василий Николаевич, какая приятная компания у нас подобралась, а в том вагончике, – указал он на соседний, – живут наши замечательные девушки.

Михаил Алексеевич значительно нас опередил, и когда мы только начали подниматься по ступенькам, внутри вдруг раздался страшный грохот. Вслед за этим низкий женский голос спокойно произнес:

– Михаил Алексеевич, ну неужели нельзя аккуратнее! Никогда не смотрите под ноги.

– Простите, Екатерина Сергеевна, – чуть слышно пробормотал Новиков, когда мы уже были на пороге.

Вероятно, по своей неуклюжести, обычно свойственной гениальным людям, Михаил Алексеевич случайно задел ногой небольшой комод со всевозможной утварью: на полу ва-

лялась алюминиевая посуда, очки, перчатки, мотки веревки, гвозди и прочий хлам, столь необходимый в любом хозяйстве. А возле уже поставленного комода вертелась молодая женщина и укладывала по полкам все, что из него выпало. Новиков попытался было ей помочь, но она только отмахнулась.

На вид женщине было около тридцати. Из-под аккуратно завязанного беленького платочка выбивались пепельно-серые пряди, уже кое-где тронутые сединой. У Екатерины Сергеевны был слишком крупный нос, на лбу ее длинного узкого лица уже проделали путь мелкие морщинки. Она показалась мне очень несимпатичной, а я всегда был ценителем женской красоты, и на мою бывшую жену засматривались абсолютно все мужчины. Жаль только, что она так и не смогла смириться с тем, что ее муж постоянно мотается в какие-то экспедиции, а разделить со мной эту участь Люда не захотела. К тому времени, о котором я веду речь, моя бывшая жена ушла к моему бывшему лучшему другу, и я не мог вспоминать их обоих без грусти.

Наша некрасивая коллега именно своей невзрачной внешностью вызвала в моей памяти столько радостных и печальных эпизодов, что я присел на кровать и потер виски, дабы привести мысли в порядок.

– Познакомьтесь, Василий, – Бородин внезапно перестал звать меня по отчеству, – загадка нашей группы – Катя Серова. Надеюсь, уж вам-то удастся найти общий язык с нашей

молчуньей, – и Бородин громко захохотал. Для агента ФСБ он был слишком шумным.

Екатерина поднялась, убрала со лба волосы, поправила платок и протянула мне свою крупную шершавую ладонь. Я осторожно пожал ее и пробурчал что-то насчет того, что мне чрезвычайно приятно это знакомство. Что уж тут поделать – некрасивых женщин я не любил, ибо всегда полагал, да и продолжаю полагать, что в мире и так достаточно уродства, представленного сильным полом. И дамы – для сохранения баланса – должны быть неиссякаемым источником красоты и грации даже в полевых условиях и без косметики. А угрюмый вид Екатерины лишь вызвал во мне волну раздражения, и я очень обрадовался, когда она, наконец, прибравшись, покинула наш вагончик.

– Ребята уже обедают, – Бородин ткнул пальцем в сторону плитки, кастрюльки на которой уже не было, – нам бы тоже не мешало подкрепиться. Михаил Алексеевич, давайте скорее введем Василия в курс дела и пойдем поедим.

Новиков достал с полки старый коричневый чемодан, открыл его и вынул небольшую деревянную шкатулку, запертую на ключ. Ключ висел на шее у Михаила Алексеевича, и последнему потребовалось не меньше минуты, чтобы замок, наконец, поддался и содержимое шкатулки было извлечено наружу.

Это был небольшой свиток темно-коричневого цвета, по всей видимости, очень древний, но при этом прекрасно

сохранившийся. Он был завернут в прозрачный пакет, и Новиков велел всем надеть перчатки, прежде чем прикасаться к подобной старине.

Резиновых перчаток в комодке был целый сверток, и через несколько минут мы уже с восхищением созерцали необыкновенную находку. Свиток был испещрен мелким текстом, не похожим ни на иероглифы, ни на кириллицу с латиницей. В предвкушении предстоящей работы по расшифровке текста у меня даже засосало под ложечкой. Давно я не был в столь интересной экспедиции.

– Что-то уже удалось прочесть? – посмотрел я на Новикова. Тот только плечами пожал и недружелюбно хмыкнул. Вероятно, ему не давала покоя профессиональная ревность.

– Ну, полноте, Михаил Алексеевич, не скромничайте, – прогремел Бородин. – Вы же, кажется, смогли найти какие-то аналогии. Василий прислан Вам в помощь. С его интуицией и любовью ко всему невероятному он прекрасно дополнит Ваш опыт и методичность. Очень надеюсь, что вы сработаетесь...

– Один вопрос можно? – тут же встрял я. – Из чего был сделан вывод о том, что данный свиток принадлежит цивилизации элаинов?

– Ну, Вы же не будете отрицать тот факт, – ехидно заметил Новиков, глядя мне прямо в глаза, – что все характеристики письменности Элайи и информационных носителей, которые давались во многих источниках, мы можем узреть

и в этом свитке. Он был найден месяц назад. Анализ материала, из которого он изготовлен, а также чернил показал, что создан он был никак не меньше пятнадцати тысяч лет до нашей эры. И поскольку это было одной из первых наших находок, то, я подозреваю, что этот свиток...

– ... раскроет тайну гибели Элайи! – торжественно заключил я, радостно потирая ладони.

– Верно, – едва слышно добавил Новиков. – Также было найдено еще несколько предметов, не характерных для других древних цивилизаций, но, судя по имеющейся у нас информации, используемых в быту элаинами.

– Вот, собственно, поэтому нам и пришлось разделить-ся на три группы: кто-то занимается расшифровкой свитка, кто-то работает непосредственно на раскопках, а кто-то анализирует и описывает найденные предметы.

– А чем же заняты Вы? – язвительно заметил Новиков.

– Да, я понимаю, – уже совсем серьезно протянул Бородин, – Вам кажется, что я лишь мешаю и торможу весь процесс. Но без разрешения ФСБ эти раскопки и вовсе не проводились бы. Поэтому Вам придется терпеть мое присутствие до конца.

– Об одном Вас попрошу, – я тут же встал на сторону Михаила Алексеевича, – Вы не станете крутиться вокруг нас, пока мы заняты расшифровкой.

Вновь возникшая улыбка сошла с лица Бородина в один миг.

– Или этот манускрипт будете расшифровывать Вы сами! Всем ФСБ! Таково мое условие и, надеюсь, Михаил Алексеевич меня поддержит.

Новиков с готовностью кивнул: неприязнь к Бородину пересилила профессиональную ревность.

– Ну, что же поделаешь... желание великих ученых – закон! Мне придется подчиниться. Но все-таки, пойдемте же обедать. Надо познакомить Василия с остальными ребятами, – и Бородин аккуратно подтолкнул меня к выходу. – Михаил Алексеевич, Вы идете?

– Идите без меня! – отозвался Новиков. – Я уже сегодня плотно позавтракал в гостинице и поработаю пока, подожду Василия Николаевича.

Солнце уже припекало вовсю. Неподалеку в тени нескольких деревьев сидели мои новые коллеги, оживленно болтали и хлебали суп – вероятно, тот самый, что булькал у нас на плите.

Бородин – сама доброжелательность и навязчивость – громко произнес, подходя к группе молодых археологов:

– Ребята, познакомьтесь с Василием Николаевичем Стровым. Он прислан из Петербурга в помощь нашему Михаилу Алексеевичу и теперь будет работать вместе с нами. Прошу любить и жаловать.

На меня одновременно устремились семь пар любопытных глаз. Уже хорошо знакомый мне Арсеньев поднялся и с улыбкой принялся представлять остальных шестерых.

– Это Володя Крестовский, мой бывший однокурсник и друг.

С земли поднялся сидевший рядом с Арсеньевым молодой человек – вероятно, виновник утреннего завала и протянул мне испачканную в песке руку, бросив Павлу:

– Что, друг тоже бывший?

– Володь, ну я прошу тебя, не придирайся к словам, я просто неудачно выразился.

Крестовский оказался очень симпатичным брюнетом невысокого роста с выразительными зелеными глазами и мелкими ровными белоснежными зубами, которые он с удовольствием всем демонстрировал, непрерывно улыбаясь, когда на него обращали внимание.

– Василий Николаевич, ему можно доверять, как самому себе, уж Вы мне поверьте. Второго такого на всем белом свете нет, – и Крестовский снова смущенно заулыбался: столь щедрая похвала, несомненно, была ему приятна.

– А это Виктор Степанович Кротов, наш полевой врач и самый что ни на есть необходимый человек. Суровый и беспощадный, как норд-ост. От него не спрячется ни одна царапина! – и ребята громко зааплодировали подошедшему ко мне полному мужчине лет сорока. Он протянул мне свою пухлую руку и тут же заметил:

– У Вас с печенью все в порядке? Глазные белки совсем желтые, – он тут же ткнул мне в лицо карманное зеркальце.

– Виктор Степанович! Ну, я Вас умоляю, угомонитесь! –

со смехом возопил Арсеньев. – У Вас будет еще время проверить здоровье нашего друга.

– Ну, а это наша грубая мужская сила – Рома Валлиев, – продолжил Паша. – За такого, как он, я просто душу дьяволу продам! Да Вы только посмотрите!

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.